

Семиотика скандала

В.А. Миловидов, А.С. Соловьева

ТВЕРЬ

До последнего времени скандал как социокультурный феномен рассматривался или с точки зрения различных отраслей психологии, или просто как бытовое явление, не нуждающееся в систематическом осмыслении. Сегодня скандал de-facto занимает такое важное место в коммуникации, особенно в сфере политики, что пройти мимо него, оставить без попытки лингвистического анализа невозможно.

С традиционной точки зрения скандал есть либо *нарушение морально-этической нормы*, получившее широкую огласку, либо *социальные последствия* этого нарушения. Это представление кодифицировано в толковых словарях: скандал есть «случай, происшествие, получившее широкую огласку и порождающее его участников» [Словарь русского языка: 890].

В лингвистике также имеются определения скандала, но и они носят в основном дескриптивный характер и описывают лишь внешние характеристики скандала, а также его перлокутивный «шлейф». Скандал (в частности, политический), с точки зрения лингвистики, есть «...получившее многократную... разножанровую реализацию публичное конфликтное общение вокруг события, нарушающего этические нормы, и влияющее на политическую ситуацию» [Кочкин: 8].

Функциональный подход, безусловно, может многое прояснить в характере изучаемого феномена. Но от определения функции полезно двигаться к онтологии явления, в нашем случае – к описанию семиотических механизмов скандала как коммуникативного события в единстве его прагматических, синтаксических и семантических составляющих, как сложного речевого (и не только речевого, если иметь в виду его нелингвистическую составляющую) акта в сочетании иллокутивного, локутивного и перлокутивного планов.

Цели подобного описания сводятся к следующему. Скандал как социокультурный феномен многолик (политический, бытовой, литературный и т.д. скандалы), но за этой многоликостью скрываются единые типологические черты, объединяющие разные формы этого феномена. Выявить общие для всех

типов скандала семиотические характеристики – значит научиться детектировать скандальность в самых разных, подчас и неожиданных, сферах семиозиса, а, следовательно, купировать и «снимать» фактор скандальности, который в высшей степени неблагоприятно сказывается на социуме и на личности. Во-вторых, определение семиотических механизмов скандала позволит увидеть скандальность там, где на первый взгляд она неочевидна, но где тем мощнее и разрушительнее – именно в силу своей неэксплицированности – она проявляется.

Приведем пример (дебаты в российском парламенте) неэксплицированного скандала, который, тем не менее, несет в себе все семиотические признаки последнего и, соответственно, ведет к разрушительному, хотя и неявному, перлокутивному эффекту.

Событие, вокруг которого ведутся дебаты – захват южнокорейскими военными моряками российского траулера «Электрон», занимавшегося незаконным ловом рыбы в корейских территориальных водах. Как известно, капитан траулера захватил в плен двоих корейцев. Выйдя затем в нейтральные воды, он оказался вне юрисдикции Корейской республики, но по прибытии в Россию стал объектом преследования со стороны прокуратуры РФ. Выступающий – представитель фракции ЛДПР С.В. Иванов.

*(1) Его вообще наградить надо – он не как **баран** себя, извините, повел, **ведомый на заклятие**, а нормально, как мужчина: увел экипаж, увел корабль. Рыбачил он в наших водах нормально, то есть не нарушал никакого законодательства. Сейчас на него ополчилась наша прокуратура. Ну куда это годится? (2) Надо поступать так, как поступала **королева английская**: даже если он **трижды пират**, его нужно всё равно **наградить**, дать ему титул дворянина, **лорда**, какой угодно, **как с Дрейком поступили**, а **мы** к нашему капитану начинаем приставать. Да что это такое творится?* (п/ж курсивом выделены маркеры семантических полей, задействованных в формировании скандала, цифрами отмечена «верхняя» граница скандального эпизода).

На первый взгляд в процитированном отрывке нет ничего, что напоминало бы скандал. Но скандальность присутствует в речах Иванова, а ее разрушительный эффект (перлокутивный план речевого акта) не становится менее ощутимым от того, что мы его не ощущаем прямо и непосредственно – как в ставших всемирно знаменитыми эпизодах «гендерных» войн в российском парламенте, где в высшей мере доблестным бойцом проявил себя главный скандалист России В. Жириновский; скандал разрушает изнутри – веру в парламентские нормы и конвенции, веру избирателей в чистоту и непогрешимость государственной власти, веру в людей, наконец.

Суть скандала как семиотического феномена в скрытом виде обозначена уже в его процитированных выше определениях. Это – случай, происшествие, **событие**. Событие же, как установлено наукой, есть (определение относится к повествовательному тексту, но разве скандал – не нарративная структура?) «...перемещение персонажа через границу семантического поля...» [Лотман: 282] или «...пересечение запрещающей границы...» [Лотман: 288]. Вместе с тем, не каждое событие есть скандал. Что же отличает скандал как событие?

Семиотическое определение скандала дает Р. Барт. В 27 главе «S/Z», анализируя II-ю *Антитезу* бальзаковского «Сарразина», брачный союз между

стариком (к тому же – кастратом) и молодой женщиной, Барт выводит следующую схему: «...Послушные *антитезе внутреннего и внешнего*, тепла и холода, жизни и смерти, старик и молодая женщина *разделены прочнейшим из барьеров – барьером смысла*. Вот почему все, что способно *сблизить эти противоположные стороны*, носит *откровенно скандальный* характер... ..в момент, когда молодая женщина дотрагивается до старика, трансгрессия достигает своего пароксизма... ..это соприкосновение вызывает катастрофу: происходит взрыв, *парадигматическая* вспышка... ..уничтожается священное *противопоставление двух парадигматических полюсов и стирается оппозитивная черта, опора любой “релевантности”*» [Барт: 79-80] (п/ж курсив наш – В.М., А.С.).

С точки зрения Барта, скандал есть преодоление некоей антитезы. Антитеза же есть инструмент логики, которая в «снятой» форме рационализирует основанные на здравом смысле (совокупном опыте человечества) и воплощенные в языковой парадигматике границы семантических полей – по определению непреодолимые (антитетические). Преодолеть их значит – спровоцировать «парадигматический» взрыв и уничтожить смысл – онтологическое основание культуры [Голенков: 7], уничтожить саму культуру (скандал находится вне культуры не потому, что его участники используют бранную лексику и дерутся, а потому, что он разрушает смысл).

При этом, поскольку в рамках описываемого брачного союза возникает феномен «двойной несовместимости», а, следовательно, происходит и двойная катастрофа, то, по всей видимости, Барт в основание скандала полагает не просто форсированное совмещение полюсов одной парадигмы, но совмещение полюсов *разных* парадигм и, следовательно, уничтожение формальных оснований парадигмального членения как способа структурирования (и, соответственно, существования) семиосферы. Противопоставление в рамках единой парадигмы не производит скандала – даже если оно стягивает в нарративе парадигмальные полюса.

Теория парадигмального (семантического) поля предполагает, что семантические единицы распределяются в поля на основе общего интегрального признака. Этот интегральный признак объединяет даже те семы, что находятся на разных полюсах единой парадигмы, в предельно отнесенных друг от друга точках семантического поля. Так, прилагательные *белый* и *черный*, будучи полюсами парадигмы *цветообозначение*, оба несут в себе данную гиперсему, а потому их совмещение в рамках единой семемы не производит «парадигмального взрыва» (*черно-белое кино* – вполне не-скандальное словосочетание, в отличие, допустим, от гипотетического *черно-горького кино*, где в конфликт вступают не совмещаемые в обыденном сознании гиперсеммы *цветообозначение* и *вкус*; впрочем, данные гиперсеммы могут совмещаться в синестезированных гиперсеммах).

С другой стороны, феномен полисемии позволяет одним и тем же семантическим единицам входить в семантические поля разного содержательного формата, структурированные на основе разных гиперсем. Так, цветообозначение *белый* может войти в семантическое поле (семантическую парадигму), объединяемую гиперсемами *святость* (христианство), *печаль* (восточный обряд похорон, где участники ритуала носят белые одежды) и т.д.

Не антитетичные по отношению друг к другу семантические поля, описываемые Бартом, не могут породить скандала – даже в том случае, если трансгрессии подвергаются полярные точки сталкиваемых парадигм. Так, если исключить из удвоенной *Антитезы* мотив кастрации, то оставшаяся пара, старик и молодая женщина, контекстуально связанные на основе семемы *репродуктивность* (поскольку речь идет о браке) представляет некое отклонение от нормы – но количественное, а не качественное, а потому не уничтожающее смысла (комическое как смысл).

Можно иначе гипотетически переформатировать конфигурацию семантических полей (абстрагируясь опять же от бартовского материала), «омолодив» кастрата – так, как это сделано в известном фильме о Фаринелли. И вновь ничего скандального в данной ситуации не будет. Возникнет некая трагедийность (как смысл), но не скандал (как разрушение смысла).

Третий гипотетический вариант переформатирования семантических полей также не произведет скандала – дадим в пару старому кастрату неспособную к репродукции пожилую особу и умилимся сложной комбинации «атрагического» (Ю. Борев) и элегического потенциалов ситуации, которая и в этом формате станет основой нормального смыслообразования (элегическое как смысл).

Точкой отсчета в исчислении смыслов станет наименее интересная в семиотическом смысле конфигурация семантических полей – молодая женщина и здоровый молодой мужчина. Наименее интересной именно потому, что содержит минимум дифференциальных сем и практически полностью «вписывается» в семемы, определяющую семантику обеих описанных выше парадигм в целом.

Событие, описываемое Бальзаком (трансгрессия, в терминологии Барта), есть переход актантом границ двух семантических полей, причем эти поля будут не только качественно отличаться друг от друга. Они будут находиться в отношениях взаиморедукции, взаимоуничтожения.

Первое событие – собственно брак как форма изменения биологического и социального статуса брачующихся и переход их в новое состояние. Рассматриваемое изолированно и при условии биологически и социально нормального предварительного статуса брачующихся это событие вполне обыденно. Второе же событие есть регрессия первого события. Вступая в брак (удовлетворяя форме события) с кастратом, героиня десемантизирует, делает бессодержательным брак как форму существования разнополюх существ, связанных единой целью – целью репродукции себе подобных. Нарратив героини – движение жизни в смерть.

Нарратив героя – движение смерти в жизнь. Вступая с героиней в брак, герой умерщвляет саму перспективу дальнейшей репродукции, дальнейшего прироста жизненного и культурного материала.

Таким образом, скандал как семантический (семиотический) феномен есть переход актантом границы взаиморедуцирующих, взаимоисключающих семантических полей. Это событие без событийности, семантика без смыслообразования – смыслообразования как установления «конфигурации отношений между различными сторонами ситуаций деятельности и коммуникации, восстанавливаемой человеком, читающим текст сообщения» [Щедровицкий:

562]. Коммуникативная форма (брак) и деятельность (репродукция) не образуют нормальной конфигурации, на основе которой мог бы быть восстановлен смысл, так как в том виде, в котором эта деятельность и эта коммуникация соотносятся в «Сарразине», они уничтожают друг друга. При этом интенсивность скандала прямо пропорциональна тем позициям, которые на парадигмальной ценностной шкале занимают маркеры взаиморедуцирующих семантических полей: чем дальше разнесены они друг от друга, тем интенсивнее (и эксплицированнее) скандал; чем ближе они на ценностной шкале – тем более скрытые формы скандал приобретает.

В приведенном отрывке парламентских дебатов в эпизоде (1) маркеры **баран** и **ведомый на заклание**, вписанные в единую синтаксическую цепь, только по-видимости, в силу навязанной им когезии, относятся к одному семантическому полю, одной парадигме. Контексты, в которых они существуют в культуре, проводят между ними жесткую, непреодолимую демаркационную линию. Если она и преодолевается, то только в режиме скандала. Скандал же, разрушая границы семантических полей, уничтожает сам принцип парадигмального членения, уничтожает смысл как культурную форму.

Пациентом скандала, объектом агрессии и разрушения становится семантическое поле, маркируемое словосочетанием **ведомый на заклание**. Агенсиом и инструментом агрессии – **баран**.

Используемое в переносном значении, в отношении человека, слово **баран**, как свидетельствуют словари, имеет только ироническую или негативную коннотацию [Ожегов: 34], относящуюся к интеллектуальной и духовной составляющей человеческой личности. Словарная статья приводит следующие синтаксические цепочки: *глуп как баран, как баран на новые ворота (смотрит, уставился: ничего не понимая; разг., неодобр.), стадо баранов*. Да, капитан корабля проявил и смекалку, и смелость – он вел себя отнюдь не как **баран**. Но, поскольку коннотативные (и переносные) значения «встроены» в денотативные (и прямые) и «паразитируют» (Барт) на них, то последние обязательно имплицитируются и в том случае, если говорящий/пишущий работает только на уровне коннотаций. Денотативное же значение слова **баран** и становится инструментом скандала в эпизоде (1)

Ведомый на заклание (таков контекст, актуальный для любого нормального человека, осмысленно живущего в условиях и благодаря наличию жестко структурированной системы семантических полей) – это агнец, ягненок, аллегорическое воплощение Христа, одной из ипостасей Бога. Бог же есть духовный (энергетически-информационный), а не материальный объект; и отождествление же его через актуальные синтаксические отношения с бараном есть физиологизация, и, как следствие, тотальная профанация – профанация фундаментального для христианской культуры образа, то есть его уничтожение. Так создаются предпосылки для парадигматической «вспышки».

Сама же «вспышка» спровоцирована напряжением между ценностными полюсами взаиморедуцирующих парадигм. Христос-агнец есть высшее проявление духовной и интеллектуальной мощи. Его образ формирует абсолютный положительный полюс на ценностной шкале соответствующей парадигмы. **Баран** же (уже не как животное, а как характеристика человека, его интеллектуальных, духовных потенций) занимает достаточно низкое место на данной

ценностной шкале. Совмещение двух несовместимых семантических полей (квазикогерентность, навязываемая уже когезией), таким образом, создает предпосылки для трансгрессии; совмещение ценностных полюсов (уже разрушающихся и разрушенных парадигм) провоцирует парадигматическую вспышку, то есть – скандал как тотальное уничтожение смысла.

Естественно, скандал – феномен контекстуальный, и проанализированный отрывок не во всех контекстах звучал бы как провокация скандала, но только в тех, где сохранились еще четкие границы между сакральным и профанным, между духовностью и телесностью. Российский парламент (равно как и общество, «стоящее» своего парламента), легко и безболезненно переживший и эксплицированные скандалы, не воспринял бы его как подобную провокацию.

Иное дело церковь, для которой актуальна демаркационная линия, разделяющая описанные семантические поля – здесь история с капитаном-бараном поизвела бы соответствующий перлокутивный эффект.

Контекстуальная опосредованность скандальности и совершенно определенные параметры контекста, в котором развиваются российские политические скандалы, «смазывают» скандальный характер и эпизода (2) процитированного отрывка парламентских дебатов, где высшей государственной власти дается предписание не бороться с криминалом, но поощрять его.

В рамках нормально организованного социума семантические поля *государство* и *преступность* разведены столь же кардинально, как *сакральное* и *профанное* в нормально организованной религиозной практике. Поэтому предложение *трижды пиратов награждать* (даже если тому есть примеры в английской истории) есть не что иное как провокация скандала – форсированного преодоления Антитезы, подобного тому, что учинил кастрат из бальзаковского Сарразина. С тем лишь отличием, что не смерть здесь сливается с жизнью в протиестественном союзе, а криминал и государство.

Аксиологические полюса, которые стягиваются в процессе разрушения Антитезы? Они тоже обозначены: *лорд* и *пират*, *сенатор* и *взяточник*... Спирок не закрыт и может быть продолжен.

Литература

- Барт Р. S/Z. М.: Ad Marginem, 1994.
Голенков С.И. Сознание как феномен культуры. Автореф. дисс. ... доктора философ. наук. Самара, 1996.
Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1968.
Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. М.: Л, 1962.
Щедровицкий Г.П. Схема мышледеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.